

своей женой как с рабой, и все домашние боятся звука его голоса. У него есть дочь, которая влюблена в одного из приказчиков отца, Митю, и, в свою очередь, любима им. Митя — чрезвычайно скромный, боязливый, но честный парень, и мать очень хотела бы выдать свою дочь замуж за него; но отец успел познакомиться с довольно богатым пожилым фабрикантом, Коршуновым, одевающимся по последней моде и пьющим вместо водки шампанское, вследствие чего он играет среди московских купцов роль известного авторитета в вопросах моды и «тонкого поведения». За этого-то человека Гордей Торцов собирается выдать свою дочь, но ее спасает вмешательство дяди, Любима Торцова. Любим был когда-то богат, подобно брату, но, не удовлетворенный филистерской обстановкой жизни богатого купечества и не находя выхода из нее в лучшую общественную среду, он предается пьянству — бесшабашному пьянству, какое можно было наблюдать в прежнее время в Москве. Его богатый брат и Коршунов помогли ему освободиться от своего состояния, и теперь Любим, в изорванном пальто, шатается по низшего разбора трактирам, делая из себя шута за стакан водки. Без гроша денег, одетый в лохмотья, дрожащий от холода и голода, он приходит в помещение молодого приказчика, Мити, прося позволения переночевать. Действие комедии происходит во время рождественских праздников, и это обстоятельство дает Островскому возможность ввести ряженных и различного рода песни и игры в чисто русском стиле. В разгар всего этого веселья, происходящего во время отсутствия Торцова дома, он является вместе с женихом, Коршуновым. Все эти «вульгарные» удовольствия, конечно, прекращаются, и отец, полный уважения к своему «цивилизованному» другу, приказывает дочери выходить замуж за выбранного ей отцом жениха. Слезы девушки и ее матери не помогают: приказание отца должно быть исполнено. Но в это время является Любим Торцов, в лохмотьях и с обычным шутством, — ужасный в своем падении и все же сохранивший в себе человека. Можно себе представить ужас его брата. Любим Торцов обличает Коршунова, напоминая ему, между прочим, как он помогал его, Любима, разорению, как он грабил бедных, как замучил первую жену... Коршунов, считая себя обиженным, в большом гневе уходит из дома, а Любим указывает брату, какое он собирался совершить преступление, отдавая дочь за такого негодяя. Его выгоняют из комнаты, но он, становясь на колени перед братом, просит: «Брат, отдай Любушу за Митю — он мне угол даст. Назябся уж я, наголодался. Лета мои прошли, тяжело уж мне паясничать на морозе-то из-за куска хлеба; хоть под старость-то, да честно пожить». К просьбам дяди присоединяются просьбы матери и дочери, и в конце концов отец, оскорбленный наглостью Коршунова, соглашается на брак дочери с Митей, говоря брату: «Ну, брат, спасибо, что на ум наставил, а то было свихнулся совсем. Не знаю, как и в голову вошла такая гнилая фантазия. Ну, дети, скажите спасибо дяде Любиму Карпычу да живите счастливо».

Все, таким образом, заканчивается к общему благополучию, но зрители чувствуют, что могло случиться и нечто как раз противоположное. Вследствие каприза отца дочь могла быть несчастной на всю жизнь, как это и бывает в большинстве подобных случаев.

Подобно комедии Грибоедова, «Обломову» Гончарова и многим другим прекрасным произведениям русской литературы, эта комедия Островского имеет такую типически русскую оболочку, что легко проглядеть ее широкое общечеловеческое значение. Комедия кажется типически «московской», но измените имена и обычаи, измените некоторые детали, перенесите действие в высший или низший класс общества; поставьте вместо пьяницы Любима Торцова бедного родственника или честного друга, сохранившего здравый смысл, — и мораль комедии может быть приложена к любой нации и к любому классу общества. Она глубоко человечна. Этим и объясняется ее громадный успех: в течение пятидесяти лет она не сходит с русской сцены. Я не имею при этом в виду нелепого, преувеличенного энтузиазма, с которым комедия была встречена так называемыми народниками, в особенности славянофилами, видевшими в Любиме Торцове олицетворение чисто русской души, даже в глубоком падении сияющей добродетелями, до которых не дойти гнилому Западу! Люди более рассудительные не заходили так далеко; но они понимали, какую массу удивительных наблюдений, почерпнутых из действительной жизни, представляла эта комедия и другие драматические произведения Островского. Руководящим журналом того времени был «Современник», и критик этого журнала Добролюбов посвятил обширные статьи анализу произведений Островского, причем впечатление, получаемое от них, он выразил в самом заглавии статьи: «Темное царство». Обзор темных сторон русской жизни, изображенных Островским, сделанный Добролюбовым, послужил могучим толчком в последующем интеллектуальном развитии русской молодежи.